

Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: режим Виши, франко-тайская война и японская экспансия в Индокитае

В. Э. Молодяков

Аннотация

Статья продолжает анализ малоизученных аспектов японо-французских отношений в годы Второй мировой войны – сопротивление Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитая военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии Японии. Стратегической целью Японии после военного поражения Франции в 1940 г. было установление контроля над Индокитаем. Авторитарный режим Виши провозгласил политику «сохранения империи», однако пошел на компромисс с Японией, учитывая неравенство сил в регионе и удаленность Индокитая от метрополии.

Япония оказывала давление на Францию с помощью своего союзника, Таиланда, подтолкнув его к агрессивной войне против Индокитая. Автор рассматривает процесс выработки французской политики и действия (а также временами бездействие) ее руководителей и основных исполнителей с осени 1940 г.: главы государства маршала Филиппа Петэна, руководителей правительства в должности вице-премьера Пьера Лаваля и Жана-Франсуа Дарлана, министров иностранных дел Поля Бодуэна и Пьера-Этьена Фландена, министра колоний Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитая Жана Дэку, посла в Японии Шарля Арсена-Анри и посла в США Гастона Анри-Эй.

В основу положены документы, дневники, воспоминания и другие свидетельства действующих лиц в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, Таиланд, дипломатия, колония, экспансия, безопасность, сопротивление.

Автор: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, профессор, Международный институт японской культуры университета Такусёку (адрес: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan).

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5892-0473

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen From France: The Vichy Regime, Franco-Thai war, and Japanese Expansion in Indochina

V. E. Molodiakov

Abstract

The article continues to analyze the little-studied aspects of the Japanese-French relations during the Second World War – the resistance of the French state (the Vichy regime) and the authorities of French Indochina to the military, political, economic, and propaganda expansion of Japan. The strategic goal of Japan after the military defeat of France in 1940 was to establish control over Indochina. The authoritarian Vichy regime proclaimed a policy of “preserving the empire,” but compromised with Japan because of the inequality of forces in the region and the remoteness of Indochina from the metropole.

Japan exerted pressure on France with the help of its ally Thailand, pushing it to an aggressive war against Indochina. The author examines the process of developing French policy and the actions (as well as inaction) of its leaders and main performers since the autumn of 1940: Head of State Marshal Philippe Petain, heads of government as Vice Prime Minister Pierre Laval and Jean-François Darlan, Foreign Ministers Paul Baudouin and Pierre-Etienne Flandin, Colonial Minister Charles Platon, Governor-General of Indochina Jean Decoux, Ambassador to Japan Charles Arsene-Henry, and Ambassador to the US Gaston Henry-Haye.

This article is based on documents, diaries, memoirs, and other evidence of the actors in combination with the latest historical research.

Keywords: Japan, France, Vichy regime, Indochina, Thailand, diplomacy, colony, expansion, security, resistance.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies (address: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan).

E-mail: dottore68@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5892-0473.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение. Французский Индокитай перед лицом японской экспансии

Настоящая работа продолжает наши предыдущие публикации [Молодяков 2022b; Молодяков 2023] и посвящена малоизученным аспектам японо-французских отношений в годы Второй мировой войны, а именно сопротивлению Французского государства (режим Виши) и властей Французского Индокитаа (Индокитайского союза)¹ военной, политической, экономической и пропагандистской экспансии Японии. Мы уже охарактеризовали основные аспекты проблемы и степень их изученности [Молодяков 2022b, с. 139–141], что позволяет ограничиться повторением принципиальных положений.

Японские историки изучили военные аспекты интервенции в Индокитай (仏印進駐, *Фуцу-Ин синтю*;) в стратегическом контексте «продвижения на юг», деятельность японской дипломатии, не игравшей самостоятельной роли, планы колонизации Индокитаа. Придерживаясь японоцентричного подхода, они рассматривали действия французской стороны лишь как ответные, а потому уделяли основное внимание деятельности посольства Франции в Японии и генерал-губернаторства Индокитаа, а не французского правительства.

В работах французских историков дипломатии этих лет о событиях в Индокитае написано мало, ибо акцент делался на ситуации в Европе, прежде всего на отношениях с Германией. Во французской

¹ Включал колонию Хохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

литературе об Индокитае как части колониальной империи² главное внимание уделено сопротивлению японской экспансии – военной, политической, экономической и культурной – о чем за пределами Франции известно мало. Ученые других стран, в том числе советские, рассматривали события в Индокитае в рамках общего процесса японской экспансии или в связи с японо-китайской войной, т.е. из «японского угла» и с незначительным обращением к французским источникам. Сказалось и принятое после войны отношение к режиму Виши как «коллорабационистскому» и «прогерманскому», а потому якобы неспособному к самостоятельной внешней политике. Такие идеологически мотивированные и фактически неверные оценки заметно скорректированы и во многом опровергнуты французскими, а теперь и российскими историками [Бурлаков 2022; Молодяков 2022а], однако внешняя политика Французского государства за пределами Европы и Северной Африки остается недостаточно изученной.

Сразу после военного поражения Франции в июне 1940 г. Япония перешла к политике ультиматумов, хотя та сохранила флот и колонии. Стратегической целью Токио было установление военного и экономического контроля над Индокитаем как источником сырья (каучук, олово, уголь, железная руда) и как путем снабжения режима Чан Кайши, которое она стремилась пресечь. В радиообращении к жителям империи маршал Петэн 3 сентября 1940 г. провозгласил курс на укрепление ее единства и на защиту от любых посягательств [Pétain 1974, p. 459], что диктовалось положением Франции между германским «молотом» и британской «наковальной». Однако правительству пришлось пойти на компромисс с Японией из-за неравенства сил в регионе. Французские вооруженные силы в Индокитае общей численностью 60 тыс. человек (из них всего 12 тыс. французов) были «армией поддержания внутреннего порядка», не предназначенной для отражения агрессии извне [Grandjean 2004, p. 9–11].

«Индокитай оказался перед лицом прямой угрозы, практически без средств защиты и без надежды на немедленную помощь [...] У Индокитая имелись две возможных формы сопротивления, но лишь единственная могла быть эффективной, исходя из имевшихся средств. Первая была грубой, славной, но безнадежной; вторая тонкой,

² Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений Франции, вне зависимости от их статуса.

косвенной, но действенной. [...] Так сложилась твердая, продолжительная и обдуманная воля к сопротивлению Японии как в самых мелких, так и в самых значительных делах» [Gaudel 1947, p. 13, 18], – констатировал свидетель событий. Япония вынудила Францию допустить оперативное присутствие ее войск на территории Индокитая и продолжала оказывать давление на нее с помощью своего союзника Таиланда, которого подтолкнула к агрессивной войне. Теперь японо-французские отношения этих лет надо рассмотреть из «французского угла» и без идеологических клише.

В настоящей работе автор анализирует процесс выработки французской политики и действия, а нередко и бездействие, ее руководителей и основных исполнителей в ходе инспирированной Японией франко-тайской войны 1940–1941 гг.: главы государства маршала Филиппа Петэна, руководителей кабинета министров в должности вице-премьера Пьера Лавалля и Жана-Франсуа Дарлана (оба по совместительству возглавляли МИД), министров иностранных дел Поля Бодуэна и Пьера-Этьена Фландена, министра колоний Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитая Жана Дэку, посла в Японии Шарля Арсена-Анри и посла в США Гастона Анри-Эй. Акцент в работе сделан не на официальных документах, которые публиковались или сообщались в Токио и Ханой, но на выработке решений и на позициях конкретных лиц, поэтому особое внимание уделено их свидетельствам, не изученным в российском японоведении.

Территориальные претензии Таиланда к Французскому Индокитаю и позиция Японии

Франция, по верному замечанию П.-Э. Фландена, «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131], будучи «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602]. Японская экспансия шла по разным направлениям, включая привлечение на свою сторону Таиланда (до 1939 г. Сиам) – одного из немногих независимых государств тогдашней Восточной Азии.

Первую попытку обобщить эволюцию французской политики на Дальнем Востоке с учетом японской экспансии предпринял генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Р. Леви. С 1936 г. он сотрудничал с Центром по изучению иностранной

политики – неправительственной организацией, претендовавшей на роль национального think-tank, – и в начале 1939 г. выпустил под его грифом книгу «Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938», законченную в ноябре 1938 г. Охарактеризовав действия Франции как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения с Китаем и с Японией» [Lévy 1939, p. 8], он указал на недостаточную обороноспособность Индокитая в случае военного конфликта [Lévy 1939, p. 110–115] (ср. [Gaudel 1947, p. 32–38; Grandjean 2004, p. 9–11]) и на поддержанный Японией «национальный подъем» в Сиаме как на потенциальную угрозу Франции.

Леви напомнил, что армия Сиам насчитывает около 65 тыс. чел. и в случае мобилизации может быть увеличена до 150 тыс. чел., что у нее есть танкетки и легкие танки, от 150 до 200 самолетов и военно-морской флот, включая 4 подводные лодки, купленные в Японии. Задав вопрос, против кого направлена эта армия, если соседи – Франция и Великобритания в своих колониях – не намерены нападать на Сиам, аналитик ответил, что он скорее обратит ее против Франции в силу экономической зависимости Бангкока от британского капитала. Фактический диктатор страны после переворота 1933 г. генерал Пибун Сонгкрам (с 1934 г. военный министр, с конца 1938 г. премьер-министр, главнокомандующий, глава МВД и МИД) открыто заявлял о претензиях на «исконно тайские территории» Камбоджи, Лаоса и Бирмы. Духовной скрепой режима он сделал идеологию «пантаизма» – объединения всех тайских народов по этническому признаку под властью тайского короля, фактически же под своей собственной, поскольку король Рама VIII был ребенком. Потенциального союзника Сонгкрам видел в Японии, не просто подавшей пример успешной вестернизации для противостояния «великим державам», но пропагандировавшей панasiatизм и единство в борьбе против «белого империализма» [Michelin 2019, p. 122–128], однако генерал не был «японской марионеткой». По его словам, пример Японии наряду с Германией и Италией доказывает, что «одна лишь военная сила может дать стране возможность воплотить свою историческую судьбу» [Lévy 1939, p. 115–118]. «Исторической судьбой» он считал «возвращение» территорий Камбоджи и восточного Лаоса, попавших под контроль и власть Франции во второй половине XIX в., чего в Бангкоке «ей не могли простить», как напомнил Дэку [Desoux 1949, p. 124–125].

Франции удалось укрепить свои позиции в регионе, заключив 7 декабря 1937 г. новый договор о дружбе, торговле и мореплавании с Сиамом, который ранее в одностороннем порядке разорвал имевшиеся соглашения. После начала войны в Европе французский посланник в Бангкоке П. Леписсье в декабре 1939 г. начал переговоры о заключении договора о ненападении, обещая Таиланду территориальные уступки при проведении новой границы по реке Меконг. Генерал-губернатор Индокитае Ж. Катру возражал против уступок, но Леписсье убедил министра колоний Ж. Манделя в целесообразности своих предложений [Huguier 2007, p. 229–230]. Договор был заключен 12 июня 1940 г. – «в самый острый период боев на Западном фронте, накануне падения Парижа» [Гольдберг 1959, с. 53]. В тот же день Таиланд подписал договор о ненападении с Англией. По словам Дэку, инициатива в заключении договоров принадлежала британцам, а Леписсье лишь следовал за ними [Desoux 1949, p. 128–131].

Более важным оказался заключенный в тот же день в Бангкоке договор с Японией о дружбе и взаимном уважении территориальной целостности, который делал их союзниками и «фактически открывал Японии дорогу в Таиланд» [Гольдберг 1959, с. 53]. Японские националисты, связанные с военными, политическими и деловыми кругами, со второй половины 1900-х гг. поддерживали вьетнамских националистов в Индокитае: не только политические, но и религиозные (преимущественно буддийские) движения антихристианского, а значит, антифранцузского характера, – что не раз вызывало официальные протесты Франции [Gaudel 1947, p. 40–51; Grandjean 2004, p. 63–68]. Помощь вьетнамским националистам и буддийским организациям оказывали влиятельные тайландские круги при явном попустительстве властей (подробнее [Goscha 1999]).

Поражение Франции в июне 1940 г. и немедленное давление Токио на режим Виши, оставшийся без союзников, вдохновили Бангкок на эскалацию реваншистской кампании. «После перемирия отношение англосаксонских стран к Индокитаю было очень сдержанным. Эта негативная и во многом недальновидная позиция должна была привести к особенно тяжелым последствиям» [Gaudel 1947, p. 218]. Уже в июле тайландские войска выдвинулись на границу с Индокитаем вдоль Меконга, а во французские владения хлынула пропаганда «пан-таизма». Назначенный генерал-губернатором Дэку просил Леписсье протестовать, но усилия посланника, чьи позиции заметно ослабели,

успехом не увенчались. «К середине августа 1940 г. Япония предъявила Таиланду следующие требования: 1) создание японских морских баз в Сиамском заливе; 2) создание японских военно-воздушных баз на территории Таиланда; 3) установление льгот для транспортировки японских грузов по железным дорогам Таиланда; 4) заключение пакта о взаимопомощи между Японией и Таиландом» [Гольдберг 1959, с. 53].

В начале сентября тайландская военная миссия отправилась в Токио через Сайгон и Ханой. Ее глава нанес генерал-губернатору «визит вежливости» и в ходе беседы предложил заключить военный союз «перед лицом общей угрозы – японской агрессии» (подобные опасения у Бангкока имелись) в обмен на лаосские территории на правом берегу Меконга. Дэку имел опыт международных переговоров по службе в генеральном штабе флота: он участвовал в Женевской конференции по разоружению в 1932 г., в Лондонской морской конференции в 1935/36 г. и в конференции по проливам в Монтрё в 1936 г. [Huguier 2007, p. 135–149]. Оценив ситуацию, он отказался что-либо обсуждать без санкции правительства, которому немедленно сообщил не только о «дружеском» предложении из Бангкока, но и о росте японских военных грузоперевозок через Таиланд [Desoux 1949, p. 132–133; Michelin 2019, p. 131].

В воздухе запахло грозой. Еще в середине августа тайландский вице-министр иностранных дел (МИД возглавлял сам диктатор) интересовался у американского и английского посланников возможной реакцией их стран на «возвращение» Таиландом территорий Индокитая в случае, если японцы нападут на него, а также сообщил о предстоящей отправке военных миссий в Японию, Германию и Италию. Дипломаты верно понимали тактику «игры на двух столах», которой придерживался Сонгкрам, но лишь посоветовали ему проявлять «умеренность» на всех направлениях [Morley 1980, p. 209–211, 215–219; Michelin 2019, p. 131–133].

11 сентября 1940 г. глава МИД Франции П. Бодуэн записал: «Два дня назад наш посланник в Бангкоке протестовал против распространения в Индокитае сиамских листовок, требовавших вернуть Лаос и Камбоджу Сиаму³. В тот же день посланники Англии

³ 23 июня 1939 г. название страны было изменено по инициативе Сонгкрама, но многие иностранцы продолжали использовать старое.

и Соединенных Штатов уведомили сиамское правительство, что их правительства заинтересованы в сохранении статус-кво в Индокитае. Чтобы прояснить японскую политику в отношении Сиам, я поручил нашему послу в Токио обратить внимание японского правительства на то, что позиция Сиам угрожает Индокитаю. [Посол] Арсен-Анри попросил японское правительство предпринять решительные действия в Бангкоке» [Baudoin 1948, p. 237]. 11 сентября посланник Таиланда в США получил в Государственном департаменте совет придерживаться «всеобщих принципов честной игры и добрососедства» [Morley 1980, p. 211]. За всплеском реваншистских и антифранцузских настроений в Таиланде Дэку видел «руку Токио» [Desoux 1949, p. 133–134], ибо недооценивал самостоятельность действий Сонгкрама [Michelin 2019, p. 129].

Присмотримся к главным действующим лицам. Бодуэн с 1938 г. был генеральным директором Индокитайского банка и президентом Дальневосточного финансового союза, поэтому знал ситуацию в регионе, понимая как интересы Франции, так и возможные угрозы им. При обсуждении ответов на японское давление он высказывался за уступки, поясняя, что Франция не сможет защитить свои владения от вторжения и что лучше сохранить что-то, чем безвозвратно потерять всё. В отличие от Петэна, военного министра генерала М. Вейгана и министра колоний А. Лемери, Бодуэн был озабочен экономическими интересами Франции больше, чем соображениями национального престижа. К началу новой волны тайландских претензий Вейган и Лемери были уже удалены из правительства (первый – под давлением немцев). Военный министр генерал Ш. Юнцижер сосредоточился на отношениях с Германией, ибо до назначения возглавлял комиссию по перемирию с ней. Министр колоний контр-адмирал Ш. Платон, герой обороны Дюнкерка от немцев, не знал ситуацию в Азии и не имел политического опыта, поэтому полагался на Бодуэна. Козырной картой главы МИД было личное доверие Петэна, авторитарному стилю правления которого он соответствовал. В июне 1940 г. Бодуэн выступил за скорейшее перемирие с Германией, и маршал поставил его во главе внешнеполитического ведомства с целью не допустить туда П. Лавала, делавшего ставку на сотрудничество с немцами.

Посол Арсен-Анри, служивший в Токио с марта 1937 г. и считавшийся японофилом, выступал за сотрудничество с Японией, поскольку

видел в нем единственный шанс сохранения французских позиций в Индокитае после того, как Лондон и Вашингтон отказались помочь в противостоянии японскому нажиму (отношения с Лондоном были фактически разорваны после нападения англичан 3 июля 1940 г. на французский флот в Мерс-эль-Кебире). К Таиланду посол не испытывал симпатий, поэтому 13 и 16 сентября, выполняя указание Бодуэна, прямо заявил японцам, что «мы считаем их ответственными за агитацию в Сиаме» [Baudoin 1948, p. 237]. Вице-министр иностранных дел Т. Охаси, сторонник экспансии, ожидаемо отверг обвинения [Morley 1980, p. 211].

Оказавшийся способным администратором и дипломатом генерал-губернатор Индокитая Дэку в ответ на давление японцев избрал тактику строгого следования директивам из Виши, которых еще надо было дожидаться, и отказался от «персональной дипломатии» в стиле своего предшественника Катру, который после отрешения от должности перешел на сторону Ш. де Голля. «Если бы у меня было всего одно слово, чтобы описать адмирала Дэку, это слово было бы: патриот», – оценил его после войны один из ближайших сослуживцев по Индокитаю [Huguier 2007, p. 182]. Особое впечатление на японцев и тайцев производило пристрастие авторитарного Дэку к строгому соблюдению протокола и к полагающимся ему почестям. В ситуации неравенства сил адмирал всегда держался как единственный хозяин Индокитая [Granjean 2004, p. 103–104, 109–112; Huguier 2007, p. 180–181]. Свидетель событий А. Годель писал: «С 1940 г. французы в Индокитае поражались странным колебаниям в поведении японцев. Чувствовалось, что на них влияет старый комплекс неполноценности азиатских народов, что быстро позволило нам взять верх. Несомненно, в их глазах престиж Франции оставался велик. [...] До 9 марта 1945 г. (оккупация Индокитая японцами – В. М.) политический суверенитет Франции в Индокитае под сомнение не ставился» [Gaudel 1947, p. 17, 15].

Японский посол в Виши Р. Савада придерживался антигерманской ориентации, хотя не афишировал ее. Он не только демонстрировал Бодуэну стремление исправно доносить до Токио позицию Франции, но делился с министром впечатлениями от общения с немцами и некоторой полученной от них информацией [Baudoin 1948, p. 170–171, 187–189, 249, 261].

Предполагая ухудшение ситуации, Бодуэн 14 сентября просил немецкого посла в Париже О. Абеца⁴ о том, чтобы министр иностранных дел И. фон Риббентроп «посоветовал (японцам – В. М.) умеренность, поскольку не в интересах белой расы отдавать Индокитай в руки японских, китайских или сиамских войск» [Baudoin 1948, р. 239], возможно, рассчитывая, что такая лексика будет понятна собеседникам. Подобные зондажи расценивались как проявление «коллаборационизма» режима Виши [Левинсон 1952, с. 174–175]. Однако здесь видно стремление сыграть не столько на «расовом инстинкте», сколько на германо-японском соперничестве и возможных противоречиях на заключительном этапе подготовки Тройственного пакта. Абец ответил, что «мы можем лишь давать советы» японцам [Baudoin 1948, р. 239]. Через день после заключения пакта (27 сентября 1940) японское правительство приняло новую, амбициозную программу внешней политики, провозглашавшую курс на создание «сферы процветания Великой Восточной Азии», куда наряду с Японией, Китаем (прояпонский режим Ван Цзинвэя), Маньчжоу-го и Таиландом входили... Французский Индокитай, британские Малайя, Бирма и Борнео, Голландская Индия (современная Индонезия) и Филиппины, находившиеся под протекторатом США. Это была недвусмысленная заявка на господство в регионе.

Ультиматум Бангкока и ответ Виши

Гром грянул 13 сентября 1940 г., когда Таиланд предъявил Франции ультиматум. Он потребовал «уточнить» границу, проведя ее по самому глубокому руслу Меконга (что приводило к передаче Таиланду около 40 прибрежных островов), «уступить» приграничные области Луанг-Прабанг и Биссак в Лаосе, «предоставить гарантии безопасности» лицам тайландской национальности в Лаосе, а в случае отказа – передать и эти территории Таиланду. Ратификация договора от 12 июня ставилась в зависимость от выполнения этих требований [Morley 1980, р. 212]. В ответ Франция предложила немедленно ввести договор в действие и передать текст ратифи-

⁴ Глава посольства в Париже и главный политический советник военного командования во Франции. Формально дипломатических отношений между Третьим Рейхом и Французским государством не было, но с ноября 1941 г. в Виши в качестве представителя МИД Германии находился генеральный консул Р. Круг фон Нидда.

кационных грамот в Бангкок по телеграфу [Gaudel 1947, p. 94–95]. 17 сентября тайландский посланник в Виши вручил ультиматум Бодуэну. Министр, найдя документ «неприемлемым и по форме, и по содержанию», отказался обсуждать его и вообще «принимать во внимание» [Baudoin 1948, p. 241]. Вдобавок пришла телеграмма Арсена-Анри: Токио отказался «влиять» на Бангкок. В тот же день Бодуэн сделал доклад кабинету, отметив синхронность требований Таиланда и Японии, чьи делегаты вели в Ханое переговоры с Дэку. Д. И. Гольдберг охарактеризовал это как «комбинированный нажим со всех сторон, рассчитанный на полную капитуляцию Франции в индокитайском вопросе» [Гольдберг 1959, с. 53].

Британский и американский посланники в Бангкоке негативно относились к «вишистской» администрации в Индокитае, вынужденной идти на компромисс с японцами, а потому ограничились пожеланиями «сохранить статус-кво» – к удовлетворению уверенного в своих силах Сонгкрама, который вел конфиденциальные переговоры с японцами [Morley 1980, p. 212–218]. В Токио начали подготовку новых предложений Таиланду: вхождение в «Сферу процветания Великой Восточной Азии» в обмен на поддержку его претензий к Индокитаю в виде посредничества в территориальном споре. Там хотели опередить США и Великобританию, которые тоже тайно вели с Сонгкрамом переговоры о союзе [Morley 1980, p. 218–219]. Кто успеет первым?

Бодуэн, лучше чем кто-либо из французских министров понимавший, что происходит в Индокитае, был готов после некоторых проволочек уступить Японии (так и случилось), но не соглашаться на требования Таиланда. 30 сентября он доложил правительству, что решительно заявил тайландскому посланнику, вторично принесшему ультиматум, об отказе и добавил: «Поднимать этот вопрос в третий раз бесполезно» [Baudoin 1948, p. 254]. Советские историки признавали, что «правительство Виши упорно отвергало эти притязания и согласилось вести переговоры лишь о пограничных островах на Меконге» [Левинсон 1952, с. 176], поскольку вопрос поднимался ранее, и что «Дэку попытался оказать некоторое сопротивление японскому нажиму», хотя их общий вердикт был предсказуем: «Вследствие предательской политики петэновского правительства и его представителя Дэку Северный Вьетнам был оккупирован японскими войсками» [Гольдберг 1959, с. 53–54].

Можно ли считать сказанное объективным выводом ученого-историка? Следом – видимо, в доказательство – Гольдберг привел послевоенное заявление Вьетнамского центрального информационного агентства: «Как только началась Вторая мировая война, правительство Петэна отдало Францию германскому фашизму, а правительство Дэку отдало Индокитай японскому империализму. Немецкие войска наводнили Францию, а японские войска – Индокитай» [Гольдберг 1959, с. 54]. «Явная лживость этих утверждений совершенно очевидна» (используем слова Гольдберга по другому поводу [Гольдберг 1959, с. 68]), поскольку «не следует искусственно отождествлять ситуацию в Индокитае и во Франции перед лицом агрессора. В действительности условия, в которые были поставлены эти две страны, несравнимы» [Gaudel 1947, p. 8]. «Источник» подобных утверждений находился в Москве. Режим Петэна, пытавшийся восстановить стабильность в пределах своей юрисдикции, преследовал коммунистов во Франции (нацисты до нападения на СССР вели с ними переговоры в Париже), администрация Дэку – в Индокитае, где коммунисты от митингов перешли к вооруженным выступлениям «народных масс» при участии местных националистов, получавших оружие от японцев, и даже бандитов [Gaudel 1947, p. 48–51]. За подавление этих выступлений Дэку после войны во Франции едва не стал жертвой бессудной расправы со стороны коммунистов.

Под давлением немцев Петэн 28 октября 1940 г. поставил во главе МИД Лаваль, занятого выстраиванием отношений с Берлином как гарантии существования Французского государства. Бодуэна маршал сохранил возле себя на посту государственного секретаря при главе правительства [Baudoin 1948, p. 269–270]. В Виши Индокитай фактически остался без присмотра: Лаваль не интересовался им, Платон сосредоточился на защите африканских владений от англичан и голлистов, а в подчиненном ему министерстве колоний, по словам Бодуэна, «царил хаос» [Baudoin 1948, p. 246]. Однако Индокитай не бросили на произвол судьбы: сопротивление экспансии Японии и Таиланда возглавил адмирал Дэку, назвавший свои мемуары «У штурвала Индокитая». Недруги адмирала, которым тоже пришлось держать ответ [Catroux 1959; Legrand 1963], называли их «защитительной речью, в которой умолчания и объяснения не соответствуют исторической правде» [Роужад 2007, p. 27], однако Дэку не столько оправдывал, сколько объяснял свои действия. В связке

с ним действовал посол Арсен-Анри, пользовавшийся уважением в Токио.

Генерал-губернатор Дэку был верен законному правительству Франции, признанному большинством не участвовавших в войне стран, включая СССР, США и Ватикан, а после прекращения существования Французского государства в августе 1944 г. признал Временное правительство Французской республики во главе с де Голлем, но тот не доверял адмиралу как «петэнисту». После освобождения из японского плена, куда он попал во время оккупации Индокитая 9 марта 1945 г., адмирал был арестован, доставлен во Францию и предан суду, затем оправдан за отсутствием состава преступления, но ошельмован как «коллаборант» и «капитулянт». Его вынужденное взаимодействие с японцами мы уже рассмотрели. Именно Дэку в октябре 1940 г. принял ответственное и даже рискованное решение перебросить бо́льшую часть находившихся в Индокитае боеспособных войск на границу с Таиландом вдоль Меконга, где положение становилось все более угрожающим, затем возглавил вооруженное сопротивление агрессору с эффективным применением немногочисленных наличных сил флота и авиации [Desoux 1949, p. 135–143].

Репутацию Дэку определило то, что он «провинился» и перед коммунистами, и перед голлистами. Адмирал предупреждал, что в Бангкоке французский посланник Леписсье ведет «свою игру», заискивая перед тайландским правительством, и 5 ноября 1940 г. отправил министру колоний Платону телеграмму с просьбой добиться его отзыва [Desoux 1949, p. 137], что и было вскоре сделано. Подробности принятия решения нам неизвестны. Для главы МИД Лавала вопрос не входил в число важных, и он удовлетворил просьбу Платона, не вникая в детали. Однако Франция до конца войны была представлена в Таиланде не посланником, а лишь поверенным в делах. Должность занял Р. Гарро, «вынужденный разбираться с тяжелым наследием, которое оставил предшественник, и прилагать усилия для исправления столь тяжелой ситуации» [Desoux 1949, p. 138]: в переговорах во время войны 1940/41 г. он проявил себя как настойчивый защитник интересов Франции [Morley 1980, p. 225]. Отозванный Леписсье присоединился к де Голлю, став первым главой дипломатической миссии, перешедшим на его сторону.

Франко-тайская война и посредничество Японии

28–29 ноября тайландские войска вторглись на территорию Индокитая. Пограничные стычки переросли в полномасштабный конфликт, хотя без объявления войны и разрыва дипломатических отношений. Анализ военной кампании лежит за пределами нашей работы [Gaudel 1947, p. 95–109; Huguier 2007, p. 231–237; Michelin 2019, p. 136–147]. Французское правительство решило приступить к прямым переговорам с Таиландом и направило инструкции поверенному в делах в Бангкоке, но с Гарро не стали разговаривать. «Центр тяжести» находился в Токио. 2 декабря глава МИД Ё. Мацуока предложил Арсену-Анри посредничество Японии, которая «представилась Франции как союзница Индокитая, позволяющая ограничить потери» [Poujade 2007, p. 37]. Посол ограничился ответом, что передаст предложение в Виши.

Арсен-Анри, которому пришлось вести основные переговоры, не знал главного. 21 ноября конференция четырех министров – «военный кабинет» Японии в составе премьер-министра, главы МИД, военного и морского министров – приняла документ «Политика в отношении Таиланда и Французского Индокитая при посредничестве в возвращении Таиландом утраченных территорий» (текст [Morley 1980, p. 220–221]). Бангкоку в обмен на принятие всех японских требований предлагалась помощь в «возвращении» территорий, находящихся под властью не только Франции, но и Великобритании (!); несогласие предполагалось наказать укреплением отношений с Индокитаем. Ханоя – при принятии японских требований – Токио предлагал все же уступить территории Таиланду, но обещал помочь свести уступки до минимума и не посягать на территориальную целостность Индокитая. На случай несогласия было припасено несколько «кнотов»: активная поддержка Таиланда; противостояние «маневрам» англичан и американцев (Дэку тайно контактировал с ними, но кто-то «сливал» информацию японцам, славшим протесты в Виши [Desoux 1949, p. 142]); отказ от соглашения Мацуока–Арсен-Анри от 30 августа 1940 г. о признании территориальной целостности Индокитая. В перспективе это означало интервенцию.

В запасе у Мацуока была еще одна карта: «Общее содержание переговоров с Францией будет сообщено Германии. Если нужно, мы попросим Германию оказать давление на Францию, чтобы повлиять на французское правительство к выгоде Японии». Токио собирался

натравить Таиланд на Французский Индокитай, причем Францию рассматривал как враждебную страну, а Таиланд как потенциально-го, хотя и сомнительного союзника. Однако германская карта оказалась битой. Немцы не хотели давить на Лавалю, усиленно изображавшего «коллорабацию», так как понимали, что Петэн и большинство его министров настроены антигермански. 9 декабря статс-секретарь МИД Р. фон Вайцзеккер заявил тайландскому посланнику в Берлине, что Германия против любого военного решения проблемы, но поддерживает франко-тайские переговоры об исправлении границы, в том числе при посредничестве Японии. То же самое посланнику повторил министр иностранных дел Италии Г. Чиано.

На умиротворяющее воздействие Берлина на Токио надеялись в Вашингтоне: 12 декабря госсекретарь К. Хэлл предписал повременному в делах в Виши Р. Мёрфи неформально поговорить об этом с французскими дипломатами [Morley 1980, p. 221–222]. Однако проведенное Петэном отстранение Лавали от власти 13 декабря и его замена во главе МИД на экс-премьера Фландена, до войны имевшего репутацию «человека Лондона», вызвали настолько серьезный кризис во франко-германских отношениях, что немцам стало не до Таиланда. 14 декабря Бангкок заявил о желании начать переговоры о мирном решении проблемы. 19 декабря французское правительство ответило, что не пойдет ни на какие территориальные уступки и отказалось от японского посредничества. 26 декабря в Токио конференция четырех министров приняла новый документ о политике в отношении Таиланда и Индокитая, который усиливал ее антифранцузскую направленность (текст [Morley 1980, p. 223]).

Пользуясь численным преимуществом, тайландская армия в декабре 1940 г. и январе 1941 г. глубоко проникла на территорию Лаоса и Камбоджи. Дэку и командующий войсками генерал М. Мартэн организовали сопротивление, но силы были слишком неравны. «В Индокитай были направлены с разрешения германского верховного командования две французские подводные лодки, затем три крейсера и одна подводная лодка» [Левинсон 1952, с. 176]. Однако попытки Франции перебросить на индокитайский фронт из разных мест четыре батальона сенегальских стрелков и несколько эскадрилий с пилотами, включая самолеты, заказанные и уже оплаченные в США, были блокированы сначала англичанами с согласия американцев, затем немцами. При этом Таиланд закупал американские истребители, пока

в нейтральном Вашингтоне не вняли непрекращающимся протестам Дэку [Henry-Haye 1972, p. 208–210; Desoux 1949, p. 145].

Генерал-губернатор надеялся на поддержку США. Не из-за симпатий к Петэну, хотя президент Ф. Рузвельт именно в это время направил к нему послом адмирала У. Леги (прибыл в Виши 5 января 1941 г.), который считался его доверенным лицом, но из-за возможной обеспокоенности усилением Японии. Обращения через американское генконсульство в Ханое ничего не дали. Новый посол в Вашингтоне Г. Анри-Эй вспоминал приходившие туда «безнадежные мольбы адмирала Дэку, который тоже не мог понять равнодушия американцев» [Henry-Haye 1972, p. 208]. Демарши «петэновского» посла, принятого холодно, тоже оказались безуспешными. Впрочем, ни он, ни напутствовавший его Бодуэн всерьез не рассчитывали на американскую помощь, включая получение оплаченного вооружения, чего не смог добиться прежний посол Р. де Сан-Кентен [Henry-Haye 1972, p. 207–210; Baudoin 1948, p. 193–194, 211–212, 227].

Положение правительства Франции и его представителей с началом франко-тайской войны осложнилось тем, что в то же время они вели в Токио трудные переговоры по экономическим вопросам, связанным с Индокитаем, на которых «Япония выдвигала свои требования под видом помощи и сотрудничества» [Gaudel 1947, p. 201]. Данный сюжет лежит вне пределов нашей работы, поэтому отметим лишь главное. Во-первых, срыв переговоров из-за неуступчивости французской стороны мог привести к отказу Японии от соглашения Мацуока–Арсен-Анри (вариант был предусмотрен решениями конференций четырех министров от 21 ноября и 26 декабря 1940 г.) с последующей интервенцией. Во-вторых, Индокитай остро нуждался в рынке сбыта для риса и каучука, а в сложившейся ситуации Япония осталась единственным возможным покупателем [Benoist-Méchin 1984, p. 256–257].

В-третьих, Дэку по мере сил мешал проникновению японского капитала в Индокитай, что признавали и советские авторы, и сдался лишь после соответствующих решений правительства в мае 1941 г., вынужденного к тому изменением общей ситуации [Левинсон 1952, с. 178–179]. Генерал-губернатор направил в Японию лучших специалистов во главе с главным финансистом Индокитая Ж. Кузеном, которые выехали из Ханоя 2 декабря, в день японского предложения о посредничестве. Делегацию возглавил бывший генерал-губернатор

Индокитай Р. Робэн в ранге чрезвычайного посла, прибывший в Токио через Европу и СССР по Транссибирской магистрали [Gaudel 1947, p. 200, 64]. Руководители и исполнители французской политики были едины в том, что лучше пойти на экономические уступки, чем на территориальные, и что лучше уступить Японии, чем Таиланду, если не на кого рассчитывать.

В Бангкоке тайландские дипломаты были корректны, но непреклонны в требованиях о территориальных уступках. Сонгкрам чувствовал тактическую победу, но не был уверен, насколько сможет ее закрепить, поскольку из Лондона его предупредили о рискованных последствиях принятия военной помощи от Японии [Morley 1980, p. 224–225]. Истинная позиция англичан была неизвестна французам. Позиция американцев оптимизма не внушала. В Вашингтоне Анри-Эй выслушивал общие слова от Рузвельта, Хэлла и его заместителя С. Уэллеса; при этом до него доходили «философские» замечания госсекретаря, что со временем Япония «поглотит» и Индокитай, и Таиланд. Фланден, демонстративно игнорируемый немцами, стал внимателен к японским предложениям. 15 января 1941 г. Мацуока напомнил Арсену-Анри свое предложение о посредничестве. Днем позже аналогичное напоминание было сделано Робэну: это означало «увязку» войны с экономическими переговорами и звучало тревожно. 17 января Сонгкрам, получив известие о победе французского флота в Сиамском заливе, запросил помощи у нового японского посланника Я. Футами, а его заместитель по МИД сообщил, что англичане готовы выступить посредником. Посланник телеграфировал своему министру совет действовать немедленно [Morley 1980, p. 226–227].

19 января Мацуока «посоветовал» Арсену-Анри прибегнуть к посредничеству Японии, а не США или Великобритании, пригрозив в случае отказа «очень твердой позицией» Токио. Перед этой встречей правительство и военное командование Японии решили оказать давление на обе стороны, чтобы заставить их заключить перемирие и исключить участие других стран. Днем позже Мацуока официально предложил посредничество. Арсен-Анри посоветовал правительству и Дэку принять его [Desoux 1949, p. 143]. Сонгкрам согласился сразу. 22 января агрессивно настроенный вице-министр Охаси припугнул французского посла возможностью интервенции, если ответа из Виши придется ждать слишком долго. Для большей убедительности Япония отправила эскадру в Сиамский залив. Британское правительство

в послании американскому выразило «озабоченность» возможным изменением статус-кво в регионе. Госсекретарь обещал «тщательно рассмотреть» сказанное. В Виши Фланден сказал Леги, что Франция «больше не может отказываться». Немцы ограничились заявлением, что заинтересованы в «поддержании мира и порядка» в Индокитае [Morley 1980, p. 227–230].

24 января Арсен-Анри официально известил Мацуока о принятии японского посредничества, отметив, что речь идет лишь о прекращении огня, а не о передаче территорий. В качестве первого шага посол предложил отвести войска обеих стран из зоны боевых действий на «законные» территории к очевидной выгоде Франции, но сразу натолкнулся на сопротивление японцев и был вынужден принять их условия. После прекращения огня 28 января стороны начали переговоры о перемирии на борту японского крейсера «Натори» в бухте Сайгона и там же три дня спустя подписали его.

Мирные переговоры открылись 7 февраля в Токио под председательством Мацуока, красовавшегося в роли международного арбитра. Два дня спустя морской министр, адмирал флота Ж.-Ф. Дарлан, которого Петэн назначил своим преемником на посту главы государства, возглавил правительство в должности вице-премьера, остававшейся вакантной после отставки Лавалья. В новом кабинете, сформированном 25 февраля, Дарлан по совместительству возглавил МИД и МВД; Платон остался министром колоний. Именно Дарлан, знавший слабость обороны Индокитая, рекомендовал Дэку на пост генерал-губернатора и теперь фактически наделил его полномочиями «проконсула», призванного «сохранить всё, что еще можно сохранить». В отличие от Фландена Дарлан смог заставить немцев считаться с собой. В отличие от Лавалья он не декларировал на каждом шагу стремление к «коллаборации», хотя и шел на уступки – по мнению Петэна, порой неоправданные – но это совсем другая история.

Мирные переговоры начались с претензий Таиланда на все территории, утраченные им с 1867 г., на что Франция согласиться не могла. Несмотря на усиление японского военного присутствия в Индокитае, «французская делегация в Токио долго не шла на капитуляцию. 21 февраля вишийский кабинет отверг японские предложения, содержавшие требование удовлетворить основные претензии Тай[ланда], и заявил, что “Франция будет сражаться всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении”» [Левинсон 1952, с. 176].

В условиях постоянного нажима со стороны Японии, чреватого интервенцией и закончившегося ультиматумом со сроком исполнения 5 марта [Morley 1980, p. 233–234], Франция приняла предъявленные требования, о чем 7 марта стороны официально сообщили в совместном коммюнике. 11 марта «после долгих и жестких споров нашим представителям, – свидетельствовал Дэку, – пришлось принять условия компромисса, которые, по воле Японии, были невыгодны для нас» [Desoux 1949, p. 144]. Парафированное в этот день соглашение предусматривало передачу Таиланду территорий Лаоса и Камбоджи западнее Меконга площадью в 30 тыс. кв. км с населением в 1 млн. человек. А. Годель оценил новую границу как «нон-сенс с исторической, этнической, экономической и политической точек зрения» [Gaudel 1947, p. 111]. Французские делегаты добились некоторых уступок, включая демилитаризацию передаваемых территорий.

Мирный договор был подписан 9 мая 1941 г. Япония выступала гарантом выполнения соглашения и посредником при разрешении дальнейших споров, что было оформлено отдельными протоколами о «политическом взаимопонимании». Дэку пришлось лично объяснить вынужденность территориальных уступок королю Луангпхабанга (позднее Лаоса) Сисавангу Вонгу, который «царствовал, но не управлял» под протекторатом Франции. Король Камбоджи Сисоват Монивонг умер 24 апреля 1941 г., и адмирал встретился с его преемником Нородомом Сиануком только на похоронах монарха [Desoux 1949, p. 283–297; Huguier 2007, p. 210–215].

Заключение. «Цена» японского посредничества

«Коллаборант» Бенуа-Мешен едва ли не единственный в правящих кругах Франции положительно оценил посредничество Токио, которое «заставило нас передать территории Таиланду, но куда меньше, чем хотело правительство Бангкока» [Benoist-Méchin 1984, p. 256]. К остальным оценкам применимы крылатые слова о «похабном мире». «Англосаксы, остававшиеся пассивными в течение всего конфликта, не сделали ничего решительного, чтобы предотвратить акт грабежа, устроенного Бангкоком и Токио, – отметил Дэку. – [...] В силу какого-то помрачения Англия и Соединенные Штаты, отказав Индокитаю в любой помощи, косвенно

помогли Японии закрепиться на будущем тихоокеанском театре конфликта» [Desoux 1949, p. 144–145]. «В Индокитае все знали, что Япония была не единственной державой, заинтересованной в уничтожении сделанного Францией в Азии», – многозначительно добавил Годель [Gaudel 1947, p. 232].

Режим Петэна легко обвинять в дальнейших уступках Японии, включая допуск ее войск в южную часть Индокитая летом 1941 г. и заключение с ней соглашений о «совместной обороне» (сюжет достоин отдельного рассмотрения), но и то, и другое было сделано под прямым нажимом Токио на правительство в Виши, минуя Дэку и Арсена-Анри [Gaudel 1947, p. 117–119]. Генерал-губернатор подчеркнул: «С этого времени вопрос (о японской экспансии в Индокитае – *В. М.*) не мог быть решен ни в Виши, ни в Ханое, ни даже в Токио, но лишь в Вашингтоне. Только жесткое вето американского правительства было способно помешать разграблению индокитайских территорий и остановить Японию в подготовке военного конфликта и продвижения на юг. В свете последовавших событий остается пожалеть, что Соединенные Штаты в очередной раз упустили время действовать» [Desoux 1949, p. 146]. Дэку видел в этом недальновидность Рузвельта, но тот сознательно готовил войну на Тихом океане. Двадцать лет спустя бывший посол Анри-Эй был куда категоричнее в оценке действий президента [Henry-Haye 1972, p. 211–212, 371–374].

Награбленное не пошло Таиланду впрок. С началом войны на Тихом океане японцы оккупировали его. В конце июля 1944 г. Сонгкрам, сделавший себя после «победы» фельдмаршалом, был вынужден уйти в отставку, чтобы обеспечить стране перемещение из лагеря «Оси» в лагерь «союзников» с минимальными потерями. В 1946 г. по требованию Франции, правительство которой возглавлял де Голль, Таиланд вернул все захваченные в 1941 г. территории в состав Индокитая ради допущения в ряды ООН.

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Гольдберг Д. И. (1959). *Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.)*. Москва: Издательство восточной литературы.

Левинсон Г. (1952). Захват Японией Индо-Китая. *Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2022а). *Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление»*. Москва–Санкт-Петербург: Нестор-История.

Молодяков В. Э. (2022б). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть первая). *Ежегодник Япония*. Т. 51. С. 137–159.

Молодяков В. Э. (2023). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть вторая). *Ежегодник Япония*. Т. 52. С. 113–133.

References

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Benoist-Méchin, [J.] (1984). *De la défaite au désastre. T. 1. Les occasions manquées. Juillet 1940 – Avril 1942*. Paris: Albin Michel. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednii velikii frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Sankt-Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Catroux [G.], Général, Ambassadeur de France. (1959). *Deux actes de drame indochinois. Hanoi: juin 1940 – Dien Phen Phu: mars-mai 1954*. Paris: Plon. (In French).

Decoux, [J.] Amiral. (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Gaudel, A. (1947). *L'Indochine Française en face du Japon*. Paris: J. Susse. (In French).

Gol'dberg, D. I. (1959). *Vneshnyaya politika Yaponii (sentyabr' 1939 g. – dekabr' 1941 g.)* [Japan's Foreign Policy (September 1939 – December 1941)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

Goscha, Ch. E. (1999). *Thailand and the Southeast Asian Networks of the Vietnamese Revolution, 1885–1954*. Richmond: Curzon.

Grandjean, Ph. (2004). *L'Indochine face au Japon. 1940–1945. Decoux – de Gaulle, un malentendu fatal*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Henry-Haye, G. (1972). *La grande éclipse franco-américaine*. Paris: Plon. (In French).

Huguier, M. (2007). *L'Amiral Decoux: Sur tous les mers du monde*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Légrand, J. (1963). *L'Indochine à l'heure japonaise*. [Cannes: à compte d'auteur]. (In French).

Levinson, G. (1952). Zakhvat Yaponiei Indo-Kitaya [Japanese Capture of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Meshcheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Paris: Passés Composés. (In French). (Electronic edition).

Molodiakov, V. E. (2022a). *Sharl' Morras i «Action française» protiv Germanii: “podlinnoe lionskoe soprotivleniye”*. [Charles Maurras and “Action Française” vs Germany: “genuine resistance of Lyon”]. Moscow – Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya.

Molodiakov, V. E. (2022b). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' pervaya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2023). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis i politiki rezhima Vichy (chast' vtoraya) [Japanese Continental Policy as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)]. *Yearbook Japan*, 52, 113–132. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance Into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Poujade, R. J. (2007). *L'Indochine dans la sphère de la coprosperité japonaise: De 1940 à 1945*. Paris: L'Harmattan. (In French).